

ЭТАПЫ РОССИЙСКОЙ АГРЕССИИ И ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ

1. АННЕКСИЯ КРЫМА

Отслеживая развитие ситуации в Крыму в конце февраля – начале марта 2014 года, группа «Информационное сопротивление» («ИС») фиксировала постоянное изменение тактики действий российских оккупантов с самого начала операции по аннексии полуострова. Мы не сомневаемся, что операция была тщательно разработана Москвой, но либо в большом количестве вариантов, предусматривающих различный ход событий, либо (что более вероятно) планы оперативно изменялись ввиду складывающихся условий.

В частности, на начальном этапе операции (конец февраля – первые числа марта) россияне делали ставку на **четыре основных компонента**:

1. Диверсионно-разведывательные группы (ДРГ) российского спецназа, прибывшие заранее в Крым и Севастополь в воинские части Черноморского флота России, а также по ходу операции переброшенные с территории РФ через Керченский пролив.
2. Подразделения ВС РФ, перебрасываемые в Крым через Керченскую переправу и десантными кораблями – в Севастополь (в частности, среди первых группа «ИС» зафиксировала военнослужащих 18-й отдельной мотострелковой бригады Южного военного округа РФ).
3. Военнослужащие ЧФ РФ (Черноморского флота России), проходившие на тот момент службу в Крыму (использовались ограниченно, в основном из состава 810-й отдельной бригады морской пехоты ЧФ РФ).
4. Члены местных пророссийских организаций и движений, которые действовали на территории Крыма длительное время (организация деятельности и финансирование шли через структурное подразделение ФСБ РФ в составе Черноморского флота России) и

которые с началом спецоперации стали ядром так называемого местного ополчения.

С самого начала спецоперации Москва делала ставку на то, что в силу постреволюционной ситуации в Украине (после победы Майдана – Революции Достоинства) украинские силовые структуры в Крыму не будут оказывать сопротивления. Расчет оказался во многом верным. Еще 21 февраля 2014 года (после победы Майдана и с началом событий в Крыму) министр обороны Украины Павел Лебедев (ставленник Януковича) исчез из Киева, а затем объявился в Севастополе. Начальник Генерального штаба ВС Украины адмирал Юрий Ильин также 27 февраля оказался в Севастополе, где якобы лег на лечение в военный госпиталь (по данным группы «ИС», в это время адмирал Ильин посещал командиров воинских частей ВС Украины в Крыму, предлагая им переходить на сторону России). Одновременно практически все руководство ВМС Украины объявило себя больным и числилось на лечении в военном госпитале. Войска были деморализованы во многих регионах Украины, но, в первую очередь, в Крыму и восточных регионах страны, где большая часть населения не поддерживала Майдан. В этой постреволюционной ситуации, а фактически в период анархии в органах управления, для россиян проведение спецоперации в Крыму оказалось делом довольно простым.

Пророссийские настроения у большей части местного населения и коррупция в силовых структурах Украины позволили россиянам практически сразу нейтрализовать органы МВД и структуры СБУ в Крыму (по нашим данным, начальники отделений милиции переходили на сторону россиян за суммы в несколько десятков тысяч долларов).

Более серьезные проблемы возникли у оккупантов со структурами Государственной пограничной службы Украины, сотрудники которой в своей массе оставались верными украинской присяге. Однако, ввиду немногочисленности личного состава и персонала структур пограничников на полуострове, последние не могли оказать сопротивление при блокировании их воинских частей и учреждений (многие из представителей Госпогранслужбы просто писали рапорты на увольнение и расходились по домам). При этом руководству Морской охраны пограничников, благодаря трезвой оценке ситуации и правильным решениям руководства Госпогранслужбы Украины, удалось вывести из Крыма не менее 90 процентов своих плавсредств (в основном катеров). В то же время и среди пограничников были предатели, в том числе среди местного руководства этой структуры. Так, одним из первых изменил присяге и перешел на сторону россиян первый заместитель начальника Азово-Черноморского регионального управления В. Мельниченко, принявший присягу на верность «новой крымской власти» 3 марта 2014 года.

Части ВМС Украины оказались в более сложной ситуации. С одной стороны, украинские военнослужащие не применяли оружие против блокирующих их воинские части российских солдат и «ополчения» даже в тех случаях, когда это было предусмотрено Уставом гарнизонной и караульной службы ВС Украины (хотя вооруженное сопротивление явно усложнило бы Москве спецоперацию по захвату Крыма, а возможно, и вовсе сорвало бы ее). С другой стороны, украинские военные до середины марта не складывали оружие, не сдавали места дислокации и не переходили на сторону оккупантов, хотя Кремль явно рассчитывал на обратное, как в случае с украинскими милиционерами.

В связи с этим Москва ввела в качестве участников спецоперации **еще один компонент** – усиление для местного «ополчения» из числа собранных в России бандформирований, в частности так называемых казаков.

В итоге к моменту проведения в Крыму 16 марта 2014 года так называемого референдума, на основании которого полуостров был юридически введен Россией в свой состав, там оставались «очаги украинского присутствия» лишь в виде отдельных воинских частей ВС Украины, блокированные российскими военнослужащими, бандформированиями из России и местным «ополчением».

В ходе этой успешной спецоперации России мы наблюдали довольно редкое в мире спецслужб очень тесное взаимодействие двух спецслужб России, которые и проводили единую операцию, благодаря чему и сработал формат «гибридной войны». Это Главное разведывательное управление (ГРУ) ВС РФ и Федеральная служба безопасности (ФСБ) РФ. При этом общее планирование и управление операцией возлагалось на Генеральный штаб ВС РФ, который отвечал за применение подразделений спецназа ГРУ, введение в операцию подразделений Вооруженных сил РФ (как из состава Черноморского флота РФ, так и перебрасываемых из России) и их тесное взаимодействие. А ФСБ занималась координацией действий местного «ополчения», а затем вводом бандформирований («казаков») с территории РФ, обеспечив их тесное взаимодействие с подразделениями ВС РФ.

Также россияне убедились в эффективности такого изобретенного ими формата «гибридной войны», апробированного в Крыму, как действия вооруженного «ополчения» и спецназа под прикрытием «мирных протестующих» (в основном стариков и женщин из числа населения пророссийской направленности) для блокирования и захвата различных объектов противника. Прикрываясь «живым щитом», оккупанты могли рассчитывать на низкую вероятность сопротивления. Этот формат россияне позже широко использовали на первом этапе своей агрессии на Донбассе, причем в ряде случаев с помощью «живого щита» им даже удавалось без применения оружия разоружать целые подразделения Вооруженных сил Украины.

(Примечание. Несмотря на то, что группа «ИС» была первой «информационной инициативой», начавшей работу по Крыму с началом аннексии, мы намеренно не углубляемся в анализ этого периода российской агрессии по причине достаточного количества других различных исследований, проведенных на данный момент.)

2. СИТУАЦИЯ ВОКРУГ ЮГА И ВОСТОКА УКРАИНЫ К МОМЕНТУ ОКОНЧАНИЯ СПЕЦОПЕРАЦИИ РФ В КРЫМУ

Успех спецоперации в Крыму дал Путину повод предположить, что так же легко он сможет захватить южные и восточные области Украины. Как засвидетельствовал дальнейший ход событий, это был многовариативный план, который также значительно изменялся в ходе развития ситуации.

В частности, ярко прослеживались две задачи: максимум (оптимистичный сценарий) и минимум (пессимистичный сценарий):

1. Задача-максимум включала в себя дестабилизацию ситуации силами агентуры ФСБ (которая активизировала также пророссийски настроенную часть населения) и создание условий для дальнейших этапов «гибридной войны» (работа ДРГ российского спецназа и заброшенных из России бандформирований, затем и армейских подразделений ВС РФ) в десяти областях Украины – Одесской, Николаевской, Херсонской, Донецкой, Луганской, Днепропетровской, Запорожской, Харьковской, Сумской, Черниговской.
2. Задача-минимум включала в себя аналогичные действия в пяти областях – Одесской, Николаевской, Херсонской, Донецкой, Луганской.

Взятие под контроль Донбасса с его большей частью пророссийски настроенного населения и минимумом украинских воинских частей в Москве представлялось довольно легкой задачей. Такой же легкой задачей выглядел и захват южных областей (Одесской, Николаевской, Херсонской). Причем именно юг был приоритетом для Путина, который прекрасно понимал, что без контроля над этим регионом ему будет очень сложно обеспечить жизнедеятельность Крыма, более чем на 90 процентов получавшего электроэнергию и воду для сельского хозяйства именно из этого региона. Контроль над Донецкой областью (или хотя бы над ее южной частью), в свою очередь, обеспечивал бы сухопутное сообщение Крыма с Россией.